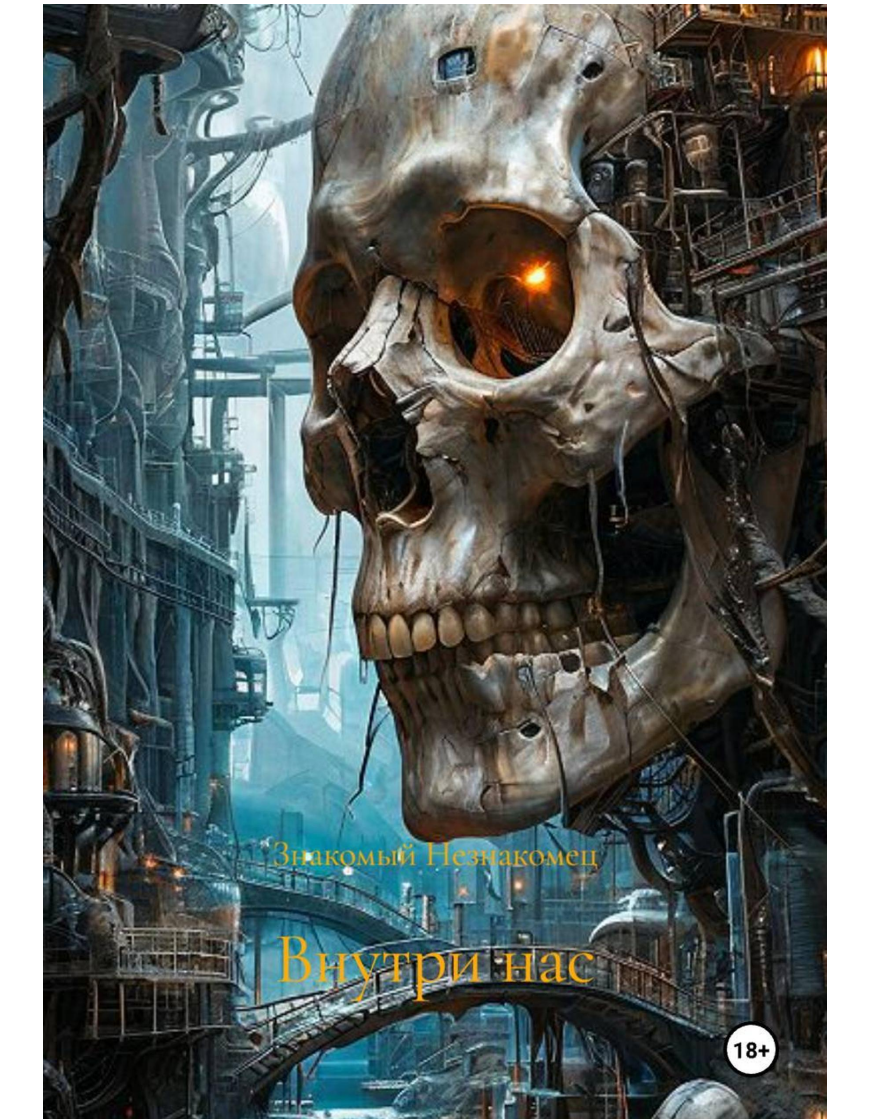




Знакомый Незнакомец

Внутри нас

18+

Знакомый Незнакомец Внутри нас

<https://litres.ru/74311314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Интересно, что скрывается в людях под слоем кожи и мышц. Что так оглушительно бьётся о костяную клетку, желая выбраться на волю? Что выливается со дна наших зрачков, пугая и затапливая все своей тьмой в обход холодных масок равнодушия, счастья и нормальности.

Любой из нас представляет собой сложную систему из чувств, эмоций и мыслей. Все это — огромный, работающий механизм со своими путями, каналами, мостами, фабриками и морями. И как же опасно и в то же время увлекательно исследовать этот необъятный мир. Подняться на вершину и задыхаясь от восторга кричать во всё горло, раскинув руки, бродить по цветущему саду, наполненному сотнями пестрых бабочек, легко порхающих среди цветов, или тайком пробраться в самое тёмное и пугающее место. Ты ведь хочешь узнать, что скрывается здесь, на самом дне твоей души?

Я буду тебя вести. Некоторые места могут показаться тебе знакомыми, но города, так же как и люди, всегда чем-то похожи друг на друга. Так иди же. Только прошу, не спускайся вниз.

Содержание

10 мая 2024 — «Раз, два, три...»	6
17 августа — «Пустота»	8
22 сентября — «Обманутый тобой»	9
22 сентября — «Обманутый мной»	10
30 сентября — «Привет, мой друг...»	11
Нас было шестеро	12
4 декабря — «Моя душа...»	14
10 декабря — «Скажи, ведь ты когда-нибудь любил...»	15
25 декабря — «Я не хочу храниться в граните...»	16
4 января 2025 — «Бенгальской искоркой...»	18
18 января — «Пустой элемент»	19
Оранжевая	20
21 января — «Ну всё, атас...»	24
23 января — «Скорей, звоните ноль-один»	25
23 января — «Не поэт»	27
23 января — «Я не боюсь, мне никогда не страшно...»	28
2 февраля — «Цветущий сад»	29
22 февраля — «В полумраке»	32
23 февраля — «Предательство, подмена, ложь...»	34

25 февраля — «У меня отказала печень!»	36
26 февраля — «Всё отвратительнее строчки...»	38
11 марта — «Туманностью накрыло лунный диск...»	39
11 марта — «Amantes sunt amentes»	41
16 марта — «Ты плачешь?»	42
13 мая — «Мне все равно, когда мне быть забытой...»	44
15 мая — «Мои черти курят ладан...»	45
22 мая — «Мой дорогой, обманчивый и милый...»	47
19 июля — «Я проглотила солнце на закате...»	49
11 августа — «Весь человек»	51
29 августа — «Капля за каплей»	53
9 сентября — «Фермата, форте, пауза — асфальт»	55
11 ноября — «Один миг — и вспышка ослепит глаза...»	57
10 декабря — «Другу»	59
29 декабря — «Алло! Я — дьявол! Вызывали?»	60
6 марта 2026 — «Дикая-дикая кошка»	63
13 мая — «Ну здравствуй, друг мой нежеланный...»	65
4 июня — «Да, ты был прав...»	67
4 июня — «Оскорбляю? Конечно!»	70
17 июля — «В толпе, и в шуме, и в делах...»	72

18 июля — «Вы когда-то сидели на кухне одни?»	74
2 августа — «Кто ты, мой несчастный странник...»	76
3 августа — «За такое, знаю, не прощают...»	78

Знакомый Незнакомец Внутри нас

10 мая 2024 — «Раз, два, три...»

Раз...

Два...

Три...

Ну вот, опять сбилась со счёта.

Посмотри, что у меня внутри.

Пустота? Или может быть кто-то...

Кто-то там поселился, живёт.

И я слышу его шаги!

Он порою чудесно поёт

И сжимает мне сердце в тиски.

Я к нему постучу и спрошу:

«Ты надолго останешься, да?

На сколько, скажи, я прошу...

На месяц? На год? Навсегда?»

Раз, два, три...

Никого. Что ж, ушел куда-то

И в двери оставил ключи.

Забыл.. Их вернуть бы надо...
Зажгу в лампе огарок свечи.

Загляну. В центре, там, на полу
Лежит тяжеленный камень,
А на столе, в углу
Стоит с бабочками аквариум.

Слева громко стучат часы.
Дверь прикрою, слегка сквозит.
Страшно мне, и секундная стрелка
Словно бешеная бежит.

Я поглубже вдохну, успокоюсь,
Стрелка мигом замедлит свой бег.
Все же пусто здесь, холодно. Пледом укроюсь
И уйду, погася в лампе свет...

17 августа — «Пустота»

На дне чьих-то глаз иногда расцветает она —
Пустота...

Исходя из глубин, поднимаясь из самого дна,
Пустота

Разбивает на части,
Если режешь запястья.

И вновь соберёт по частям,
Когда мир весь пошлёшь к чертям.

Все поймет и не даст утонуть.

Вместо сна — пустота,

Вместо звука она.

Нет эмоций —

Вот в чем её суть...

22 сентября — «Обманутый тобой»

Я, Обманутый Тобой, весьма жестоко
Не смог стерпеть сурового урока.
Безжалостной волной ты вновь и вновь
Гасила пламя под названием «любовь».
В последний раз пишу я огорчённый.
Не состоится наше па-де-де
В последний раз
Навеки обречённый,
Ни разу не любимый
Твой О. Т.

22 сентября — «Обманутый мной»

Пишу тебе, мой дорогой О. М.,
Глупы твои терзанья, безрассудны.
Ведь ты же знал, что путь со мною трудный,
Что сплошь вся состою я из дилемм.
Но слушать ты меня не пожелал
И все тогда мои предупреждения
Прочь отогнал без всякого сомнения.
И в этом твой крушительный провал.
Прощай, не жди теперь со мною встречи.
Я не вернусь, и в том твоя вина.
Не вспоминай, прошу, наш первый вечер.
Отныне не твоя уже
Волна

30 сентября — «Привет, мой друг...»

Привет, мой друг! Возьми мою ладонь.
Мы устремимся ввысь, где звёзды. Только тронь
Одну из них и в сей же час она,
Рассыпав искры, устремиться вниз, до дна
Глубокой ямы, осветив к свободе путь.
Погибнет там, чтоб мы смогли вернуть
То, что лежит во тьме уже давно.
Скорей, мой друг, давай спасем его...

Нас было шестеро

Вот уже какую ночь оно приходит ко мне. Я один, со мной в комнате лишь стол, кровать, стул да тускло светящая бледным жёлтым огнём лампа. Но сейчас она не горит, не раздражает своим светом и без того усталые, воспалённые глаза. Часы уже давно перестали ходить — села батарейка. Никто и ничто не могло нарушить звук царящей здесь абсолютной пустоты. Но тем не менее что-то заставило меня проснуться. Оно нависало надо мной, словно лезвие гильотины над шеей приговоренного. Я бы даже мог почувствовать его дыхание на своём лице, если бы это существо умело дышать. Но оно не дышало, не двигалось, не издавало ни единого звука, не моргало. Да, у него были глаза: нечеткие, неясные, расплывчатые. Но они были. И если бы не они, то это «нечто» походило бы на тень огромного шкафа, наклонённого к самому моему лицу. И даже тогда эта тень вселяла бы ужас.

Оно стояло и смотрело, а я не мог оторвать взгляда. Я словно оцепенел. Было холодно, будто в морге. Я было подумал, что уже умер, если бы вовремя не заметил, что моё сердце всё ещё бьётся.

«Тук-тук» — я ухватился за единственный звук в этой комнате, как за спасательный круг.

«Тук-тук» — билось оно негромко, едва заметно, но я держался изо всех сил, прислушивался, лишь бы только не

тонуть в пугающем безмолвии.

«Тук-тук» — звук всё нарастал и нарастал. Подгоняемый рассветом, он прогонял прочь ночной кошмар. Чёрное нечто исчезло. Точнее, оно осталось на том же месте, но только несколько изменилось. Теперь это был простой деревянный шкаф. И стоял он совсем не так близко, как казалось в темноте. Обычный платяной шкаф. Как я мог забыть про него? Значит, в комнате нас было шестеро: стол, кровать, стул, лампа, я и шкаф...

4 декабря — «Моя душа...»

Моя душа находится в смятении,
Тому виной являешься лишь ты.
И дело здесь совсем уж не в везении,
А в случае. В падении с высоты.

Моя душа находится в отчаянии.
Не может в сей же миг она понять,
Как на твои мечты, дела и состояние
Ей просто стало резко наплевать.

Моя душа находится в потёмках.
Ей стало так печально всё равно.
Но всё же ищет, ищет в тех осколках
Остатки того взгляда твоего.

Моя душа метается и рыщет
По всем углам сознания своего.
Моя душа надеется и ищет,
Но не находит
Больше
Ничего.

10 декабря — «Скажи, ведь ты когда-нибудь любил...»

Скажи, ведь ты когда-нибудь любил?
Прошу, ответь, мне это очень важно.
Смотри, я искренна, хоть ты и не просил,
Я безоружна вовсе — вот что страшно.

Я подойду тихонько со спины,
Коснусь плеча дрожащею рукой.
В ней нет того, что так боишься ты,
В ней нет меча, придуманного мной.

И улыбаясь ласково, шутя,
Я говорила: «бойся — то оскал».
И ты поверил, что я вовсе не нежна.
Но пала крепость, воин тоже пал.

25 декабря — «Я не хочу храниться в граните...»

Я. Не хочу. Храниться. В граните.
В мраморе тоже. Могильщик, простите.
В дерево вовсе меня не пихайте.
Не потерплю всего этого, знайте.

Серые даты на каменной пыли.
Люди всё помнили, люди забыли,
Люди ошибок твоих не прощали,
Хоть, без сомнения, всё понимали.

Времени было, пожалуй, в избытке,
Чтоб прогуляться по треснувшей плитке,
Чтобы подумать, в согласии с кукушкой,
О переезде из трёшки в однушку.

Спальный район, тишина, благодать,
Жильцов в округе почти не видать.
В общем, красиво, приличный народ,
Песен ночами никто не поёт.

Вот перееду и стану ненужным.

Лишь бы не слушать мой голос простуженный,
В гости придут разок, и другой,
Но больше ничто не нарушит покой.

Вечная скука под пледом земным.
Работа — лежать здесь слепым и глухим,
И век любоваться ночною стеною,
И слушать дыханье живых над землёю.

Спасибо, не надо, мне здесь тесновато
И нечем дышать. Воздух — плотная вата.
Четыре стены, а за стенкой — стена,
И серая плитка, четыре столба.

И пусть в этом центре души и культуры
Пылятся все памятки архитектуры,
Но мой камень тут не желает стоять.
Уж лучше пытаться вернуть время вспять.

Мне здесь не храниться. Не думать. Не быть.
Я здесь не смогу. Никогда. Больше. Жить.

4 января 2025 — «Бенгальской искоркой...»

Бенгальской искоркой горит моё последнее желание
На этот год.
Тревожно сердце берedit с мечтой заветное свидание.
Когда восход
Наступит вновь, настанет новое начало.
В этот раз
Я не боюсь, ведь я могу начать все заново, сначала.
В тот же час,
Лишь только стрелка завершит свой полный круг,
Всё обновится,
Обнулится и погаснет навсегда, как феникс
Чтобы возродиться.

18 января — «Пустой элемент»

Меня больше нет
Ни на небе , ни в море.
Меня больше нет.
Нет ни в счастье, ни в горе,
Ни в шепоте ветра, ни в в чьих-то глазах.
Меня нет нигде, даже в ваших сердцах.
Исчез, испарился эфирный мой дух.
А тело лежит в окружении мух
И тлеет... и тлеет, ровняясь с землёй.
Но это не смерть — тишина и покой.
Я просто исчез и забылся навечно.
Ведь жизнь — только миг в темноте бесконечной,
Короткая спичка, неяркое пламя,
Что просто задуть и вывесить зная
На память, которой не станет в момент.
Я распался, погиб, я — пустой элемент.

Оранжерея

В оранжерее было пусто. Ни привычного щебета птиц, ни тихого шуршания бархатных крыльев — ничего.

Шафран шёл в самый центр этого ныне печального, таинственного маленького сада. Камешки под его ногами хрустели, а с деревьев вяло спускались потемневшие зелёные листья. Они ложились на землю, прикрывая собой мёртвые тельца маленьких пёстрых насекомых.

Бабочки. Раньше они весело и легко порхали от цветка к цветку, заставляя этот сад цвести всё больше и больше. Но теперь всё переменялось. Нет уже той сказки, что была здесь раньше. Цветы поникли. Некогда алые розы побледнели, опустились и иссохли, рассыпая тусклые пыльные лепестки на дорожку.

Шафран остановился и огляделся. Кругом все как будто бы погрузилось в сон. Не было ни единой души.

Он одернул жилет, достал из кармана пачку и закурил.

— Я же просила тебя не курить здесь.

Шафран подскочил от неожиданности и обернулся.

За розовым кустом, неподалеку от него, стояла девушка и сурово глядела на него. Её голос был спокоен и глух, но в опустевшей оранжерее он прозвучал так громко, как если бы она кричала на него.

— Прости, Мелисса, — отозвался парень, — но я не смог

удержаться. Слишком уж тут... уныло.

— Что ты здесь забыл? — резко спросила она, сверля взглядом дымящую сигарету.

Шафран перевел взгляд с девушки на неё, едва слышно вздохнул, присел на корточки и затушил сигарету о дорожку.

— Вот, решил тебя навестить, узнать, как у тебя дела, — ответил он, вставая и пряча окурок в карман.

— Всё отлично, — бросила Мелисса и снова нырнула вниз, скрывшись за листвой.

Парень подошёл ближе.

— Чем это ты занимаешься? — любопытствовал он, заглядывая за куст.

Девушка подбирала с земли мёртвых бабочек и складывала их в большую плетёную корзину. В ней уже собралось не меньше половины.

— Н-да, жалко, конечно, что так вышло, — Шафран цокнул языком.

— Слушай, а ты не мог бы уйти? — Девушка выпрямилась. — Ты мне мешаешь.

— Я, конечно, мог бы, но кто поможет убрать тебе весь этот беспорядок? — добродушно парировал он, — Я надеюсь, ты не против принять мою помощь?

Мелисса окинула его острым взглядом своих зелёных глаз, прикрыла их на секунду и вздохнула:

— Там, на скамейке стоит ящик с инструментами и корзина. Возьми ножницы и срежь с кустов все бутоны.

— Даже те, которые не высохли?

— Не думаю, что такие остались.

Парень взял всё необходимое и, вернувшись к девушке, засучил рукава рубашки и принялся за работу.

Щёлк... щёлк.

Ножницы с металлическим скрежетом срезали погибшие цветы

— А он... приходил к тебе после...

— Нет.

— Ясно.

Щёлк... щёлк.

— Ты бы хотела его увидеть?

— Ни за что.

Щёлк...

— А если...

— Если взялся помогать, так будь добр, делай это молча.

И снова...

Щёлк... щёлк... щёлк...

— Я понимаю, тебе сейчас нелегко... Я очень волнуюсь за тебя. Все так нехорошо вышло с ним. Может, эти цветы можно как-нибудь восстановить?

— Сомневаюсь. Мне уже все равно. Я не хочу больше его видеть. Эти цветы больше никогда не расцветут, а бабочек, увы, невозможно вернуть к жизни. Всё погибло. Навсегда. С меня хватит.

Шафран выпрямился и, смахнув челку со лба, взглянул

на девушку. Сейчас, холодная и резкая, она не была собой, точнее не была той Мелиссой — доброй, упрямой и смелой девушкой, что смеялась над всеми его шутками, даже самыми глупыми, той девушкой, которая рассказывала ему всё... или почти всё. Таким человек становится от потерь. Но она все еще была она. Его Мелисса.

Он кинул очередной бутон в корзину.

— Не беспокойся, *ma chérie*, я привезу тебе новые цветы.

21 января — «Ну всё, атас...»

«Ну всё, атас...» —

Мелькнуло в голове,

Когда в квартире вырубился свет.

Заглох компьютер, монитор погас,

Несохранённый файл мигнул «Привет»

И испарился, сгинув навсегда,

И унося с собой тяжёлые труды,

Отнявшие не месяцы — года!

Мне поплохело... Кот, неси воды!

Через секунду свет включили снова.

Перед глазами чистенький экран,

И лишь курсор маячит возле слова

«Пролог». Смеётся таракан,

Злорадно лапку лапкой потирая.

Усатый мне жестоко отомстил

За всех друзей своих, что я совсем недавно,

Со страху синим тапочком прибил.

23 января — «Скорей, звоните ноль-один»

Скорей, звоните ноль-один,
Пылает жаром человек!
Он вдохновлён, непобедим,
Всю ночь он не смыкает век.

Ему мерещатся повсюду
Улыбок свет и мягкость глаз.
И, набирая амплитуду,
Он верит в мир, он верит в нас,

И в нашу искренность и вечность,
В то, что ни в жизнь не предадим.
Он зажигает человечность
Одним дыханием своим.

О, как невинен он, беспечен
И болен манией своей.
Решил, что счастьем он отмечен,
Что должен жить он для людей.

Творить, писать, плясать, смеяться,

Бурлить, кипеть и волновать.
Уверен, под запретом — сдаться
И рано руки опускать.

И пусть он гаснет каждый вечер,
Порою вовсе не горит,
Но будет искра, будет ветер,
И он пожаром все затмит.

Зажжёт других, сам воспыхает
Безумным яростным огнем.
Ликует, бесится, мечтает
О невозможном, лишь о нем.

А что мечты без сложных планов?
Ведь так же скучно! Посмотри,
Слетел с катушек, полон он изъянов,
Но счастлив.
Набирай ноль-три.

23 января — «Не поэт»

Не поэт - пишу стихи.
Не художник - только рисую.
И чужой не касаюсь руки.
Не ревную - не мил. Не рискую.
Полуангел и полубес.
Две внутри перемешаны части.
Одна - в небо, другая идет в перевес,
Сохраняя от всякой напасти.
Помогает держаться на месте одном,
Но не думая, швы разрывая.
Одна половина не верит в любовь,
А одна на неверу слепая.

23 января — «Я не боюсь, мне никогда не страшно...»

Я не боюсь, мне никогда не страшно.

Я не один, я просто одинок.

Я не солгу, знать правду — слишком важно.

Я бессердечен, но я вовсе не жесток.

Бесчеловечен — да. Ни разу в этом мире

Не упивался кровью и слезой.

Мой друг, меня скорей, прошу, не жди

И не пытайся встречи избежать со мной.

Я рядом, но не близко. Впереди.

Я верный пёс, товарищ, спутник твой .

Привязан в миг, от самого рожденья,

Твоей судьбы безжалостной рукой.

Из дневника Смерти

2 февраля — «Цветущий сад»

Цветущий сад из багровых пятен не вселяет пьянящей от-
рады.

Ликорисы растут, проникая сквозь прутья моей костяной
ограды.

Устал, заблудился, опять на распутье. Свинцом наливают-
ся веки.

Скажи мне, зачем ты пустил на свободу те грязные, лип-
кие реки?

Раскалённые белым тяжёлым металлом, лёгкие медленно
плавятся.

И от жара знобит, очень трудно дышать. Мне так долго не
справиться. Маяться...

Зачем? Почему? Для чего это сделал? Хотел в миг спалить
все мосты?

Не больно — совру. Но все же болею — во мне прорастают
цветы.

Сладко розы плетутся, вонзая шипы и дурманя своим аро-
матом.

Из крана секундами бьётся вода. Эта комната — снова па-

лата.

И маки туманят невидящий взор, приглушают звенящие звуки.

А пионы с гвоздиками давят на горло, мои продлевая муки.

Я хочу их все выплакать, выхаркать из поломанной рёберной клетки.

От плитки холодной зеркалится звук — это ток течёт по розетке.

Чтобы криков не было слышно и всхлипов, закрою железную дверцу.

И ломаю свой кашель, и корчусь, и ною — во всем виновато сердце.

Искалеченное и разодранное словами, чужими поступками

И мыслями странными, сложными, жуткими, спать не дающими сутками.

И чем больше мне делают больно и плохо, чем опасней слова и сильнее,

Тем быстрее разрастается сад мой печальный из прекрасных и страшных огней.

Снова в приступе яростном, хриплом зайдусь, зажму рот
покрепче руками.

В ладони, рассыпавшись, вспыхнет бутон, обжигая меня
лепестками.

22 февраля — «В полумраке»

В полумраке, в дыму отстраненные
Сидят люди. Глаза их чёрные,
Словно пропасти, вглубь огромные
И бездонные.

Как же пусто на той глубине.
Нет ни страха, ни грусти, ни горя.
Дым туда проникает извне.
Это свалка поломанной воли.

В затуманенном морге живых
Ни единой души больше нет.
Груда тел, ненадолго пустых,
Неизбавленных вмиг от всех бед.

Посеревшая мутная площадь,
Там людского осталось чуть-чуть.
Лишь табличка на шее у тени:
«Не спасайте. Хочу утонуть».

«Продаю всем лекарство от боли» —
На витрине помятый плакат.
«Дайте яду и сладостной соли!» —

Обезумев, кричит чей-то взгляд.

Здесь отравы бежит по вене,

Здесь спасенье — дурман-трава.

Опьяненные чёрные тени

Не хотят возвращаться в тела.

23 февраля — «Предательство, подмена, ложь...»

Предательство, подмена, ложь.

Любое слово здесь — отрава.

Чтоб умертвить не нужен нож.

На каждого своя управа.

Не ненависть, а то — любовь.

А трусость повсеместно смелая.

Не грусть, а радость. Просто вновь

Меняем чёрное на белое.

Всё вывернуто наизнанку

И склеено опять по швам.

Эту непрочненькую ранку

Не трудно разодрать к чертям.

На каждой голове по маске,

И не понять где лица, где фарфор.

Один под злой стеною прячет ласку.

Другой — дурак, без маски — хитрый вор.

Ещё один за стенкой белой, милой

Скрывает свое чёрствое нутро —
Убийца, до краев наполнен силой
Кровавой. Ну а с маской он — добро.

А лучший друг, в сравнении — самый верный
И преданный, в руках все прячет нож
И ждёт, когда ты, слишком легковёрный,
Подставишь спину и надолго пропадешь.

25 февраля — «У меня отказала печень!»

У меня отказала печень!
И лёгкие... Что с них взять!
Мне сказали: «Такое не лечим.
Вам бы лучше пойти полежать.

Не тревожась и не беспокоясь,
С головою укрывшись землёй».
Дождевою водою умоюсь
И пойду попрощаюсь с семьёй.

У меня отказали ноги.
Больше не на чем в поле бродить,
Не смогу я ступать по дороге
И из чащи людей выводить.

Вы меня навещайте сами.
Чтобы сильно по вам не скучать,
Буду в осень своими слезами
Крыши ваших домов поливать.

Не работают больше руки,

Не смогу, поприветствовав, позжать.
Я, наверное, сдохну от скуки,
Если буду так вечность лежать.

Надоело. Забуду, что болен,
Скину тёмный и влажный плед.
Не пугайтесь, я жизнью доволен!
Я всего лишь ходячий скелет.

26 февраля — «Всё отвратительнее строчки...»

Всё отвратительнее строчки.
Мне не о чем писать теперь.
А на страницах только точки.
Увы, закрою эту дверь.

И стало скучно и однообразно.
С трудом слова из мыслей вывожу
И склеиваю криво, безобразно.
За созданных калек себя сужу.

Остыло пламя, догорели спички,
И я замолкну, ручку отложив.
Тянуть со скрипом и без рвенья — нет привычки.
Но вдруг иной услышится мотив?

Я подожду и поищу по свету,
Взгляну на юг, на запад, на восток,
На север и, возможно, где-то
Найду я новый, полный коробок.

11 марта — «Туманностью накрыло лунный диск...»

Туманностью накрыло лунный диск.
И ветер смолк. Спокойно всё. И снова
Я в тишине услышу скрип и свист —
Приветствие хозяина лесного.

В своей обители встречает он гостей
И бдит за каждым шагом, наблюдает.
Лишь терпит он присутствие людей,
Но с интересом ждёт и отвечает

На тишину и робость — треском сучьев.
Но коль его не слышат — замолкает.
Он раньше был властителем могучим.
Сейчас он лишь простой лесной хозяин.

Бесформенный, беззвучный и безликий,
И запертый меж городских дорог.
Он раньше был другим. Он был великий,
Но сохранить владения не смог.

Стеснённый шумом, пылью и стенами,

Он скрылся в самый дальний угол свой.
Смирился с участью забытого сказанья
И ждёт свой час, ушедший на покой.

11 марта — «Amantes sunt amentes»

Amantes sunt amentes.

Безумен до конца.

Amantes sunt amentes.

У правды нет лица.

Ты — гибель мне и счастье.

Я предан. Но кому?

Чудовищно ненастье -

Я встану на корму.

Штурвал возьму, упрямо

Я объявил войну

Слепому океану

И не пойду ко дну.

Кричу, пронзая ветер:

«Любовь, ведь ты со мной?»

Но крик ответ не встретил.

Я предан. Кем? Тобой.

16 марта — «Ты плачешь?»

— Ты плачешь?

— Нет. Ты, кажется, забыла —

Я никогда не плачу! Никогда...

И от отчаяния беспомощно не выла.

То не дождётесь от меня вы, господа.

— Но я же вижу!

— Нет. Лишь показалось.

Возможно ты попутала слегка.

С моей души ни капли не сорвалось,

Она всегда чиста, свежа, легка.

— Я слышала!

— Я только посмеялась

Над странной шуткой, приключившейся со мной.

В одно мгновение только оказалось,

Что день не мой, и этот мир не мой.

— Глаза все красные...

— От солнечного света.

— И голос хриплый...

— От дешёвых сигарет.

Не плачу я. Честнее нет ответа.

Ты веришь мне?

— Я верю.

— Правда?

— Нет.

13 мая — «Мне все равно, когда мне быть забытой...»

Мне всё равно, когда мне быть забытой,
Сейчас или чуть позже — не беда.
Дойти до края или быть убитой,
Чтобы трусливым не чинить вреда.

И всё то время, что во мне осталось,
Ту капельку на кончике иглы,
Я преумножу, станет большим малость
И Вам пожертвую, чтоб только были Вы.

Какая разница? Пусть тело полнит страхом,
Пусть раньше и больнее — ерунда!
Но я уйду, рассыплюсь чёрным прахом
И не оставлю в мире и следа.

Я Вас спасла. На что иду — я знала.
Вы б написали моё имя на коре
И вспоминали, как я тихо прошептала:
«За Вас гореть не жалко на костре».

15 мая — «Мои черти курят ладан...»

Мои черти курят ладан,
Запивая святой водой.
Мои черти не следуют планам
И отважно идут на убой.

Мои черти слушают Цоя
И в тетрадках рисуют картинки.
Вечерами, тихонько ноя,
В пузырьрёк собирают слезинки.

Но не плачут. Они смеются.
Мои черти бывают робки.
И друг с другом порой грызутся
За местечко побольше в корбке.

Эти милые бесенята
В тесноте этой сходят с ума.
Им жилище просторней надо,
Чтоб они не сносили дома.

Но нет места. Они воют,

Бьют хрусталь, вырывают глаза
И кусаются. В общем, беснуются,
Верещат и кричат в небеса.

А устав, сочиняют строчки,
К огоньку ползут в поисках ласки
И, обнявшись друг с дружкой в кружочке,
Выпив чаю, читают сказки...

22 мая — «Мой дорогой, обманчивый и милый...»

Мой дорогой, обманчивый и милый,
Была я так небрежна и слепа
Ко всем твоим чудесным переливам.
Я признаю — была тогда глупа.

Ты сковывал меня. Внезапный холод
Вводил в смятение. Перед глазами мгла.
Как утолить мне мой нещадный голод
От недостатка света и тепла?

Кидало в дрожь. Ты лишь молчал и злился,
Сверлил упрямо взглядом серых глаз.
Мой огонёк, что трепетно так вился,
Остыл от взора, сник и весь угас.

Ты видел мои тщетные попытки
Согреться. Я уже почти сдалась,
Но ты не захотел придумать пытки,
Ведь в сердце твоё жалость прокралась.

И улыбнувшись ласково и нежно,

Ты заменил бездушный этот лик,
Сложил покров холодный, грязный, снежный
И вдруг, роняя слёзы, тихо сник.

Ввета пытались лаской успокоить,
Угмонить твою звенящую капель.
Цветы тянулись, чтобы ветру вторить.
Не плачь, мой мальчик. Милый мой... Апрель.

19 июля — «Я проглотила солнце на закате...»

Я проглотила солнце на закате,
Его лучи проткнули мне живот.
Не в комнате лежу и не в палате,
А в одиночестве и жду больной восход.

А на восходе солнце, вспыхывая,
Мне в горло вцепится. Прольётся вмиг тогда,
На раны с дикой болью попадая,
Солёная прозрачная вода.

И я безвольно, тихо-тихо таю
И растекаюсь, словно лава, по стене,
По полу и кровати. Погибаю?
Нет, что вы, просто очень дурно мне.

Я жгучий жар отваром заливаю,
Он обжигает, и я жалобно молю,
Чтоб боль ушла. Я вою и сбегая,
Пытаюсь сон догнать, но отстаю.

И маюсь, маюсь, маюсь до утра я.

Чтоб не жалеть себя, как идиот,
Я до отказа череп заполняю
И жду, когда оно само пройдёт.

Вот солнце наконец ослабевает,
Из горла вместе с кашлем выйдет в ночь.
Остывшее, чернеющее солнце,
Разбившись в пыль, умчится с ветром прочь.

11 августа — «Весь человек»

Весь человек — он создан из сомнений,
Из сожалений, страхов и потерь.
Он тих и слаб, но полон вдохновений,
За них цепляясь, мчит он, словно зверь.

Оскалится — покажет своё счастье,
Словно ему всё это нипочём,
Будто способен он пройти ненастья,
Орудя зубами и мечом.

Весь человек — могила откровений,
Заросшая крапивой и плющом.
Он — кладёзь неразвитых озарений,
Он — сотню раз потушенный костёр.

Блеснёт в осколки зеркала глазами
И пустится в погоню за собой —
Собой другим, не с хищными клыками,
А тем, что мчит яркою стрелой.

И дыбом шерсть, и нет погони слаще,
Но чей-то взгляд, который долго мог
Сверлить его насквозь от самой чащи,

Уже готов спустить на нём курок.

Продолжить бег или остановиться?

И встретить пулю в спину иль лицом?

Пытаться выжить? Драться? Сдаться? Скрыться?

Прослыть ли жертвой или подлецом?

Иль наглотаться всласть болиголова,

Доверив случаю решить свою судьбу.

Весь человек — сомнение,

он снова

Обязан выбрать,

что

важней

ему...

29 августа — «Капля за каплей»

Капля за каплей.
Багровый закат.
Капля за каплей.
Ужасно помят.
Капля за каплей,
По плитке стуча,
Падает тихо с худого плеча.
Капля за каплей.
Уже не впервой
Думать лишь сердцем, а не головой.

Капля за каплей —
Отчётливый звук.
Капля за каплей.
Кто враг, а кто друг?
Бел, словно мел, на тебе нет лица.
Только один будет впредь до конца
В горе и в радость. Любую беду —
Он обещает — всегда отведу.

Капля за каплей.
Смешно аж до слёз.
Как перекрасить бесцветие роз?

Жаждешь, себя постепенно круша:
Пусть болит тело, а не душа.
Падать не больно с большой высоты,
Когда не один. С тобой рядом есть ты.

Капля за каплей.
Идёшь, неспеша,
По лезвию ржавого недоножа...

9 сентября — «Фермата, форте, пауза — асфальт»

Весь город здесь, всё словно на ладони.
Готовлюсь крылья шире распахнуть,
Но сердце ноет скрипкой, сердце стонет.
Я не могу никак вперёд шагнуть.

Хоть нет преград и нет пустых запретов,
Но держит над землёй, сильней в сто крат,
Сильней меня, но стёртый в струнку где-то
У самых рук, спасительный канат.

На этой серой, каменной пустыне
Лишь я один. Мне хочется бежать.
О, дайте руку! Сердце стынет. Стынет!
Канат порвётся — и меня не удержать!

Но я один... а позади толкают.
И с хрустом, с болью бьют по позвонкам
Слова чужих, что издали кидают,
Слова своих, что долбят по вискам:

«Бездарность, трус...» Не наложить мне вето

На этот хор. Поют на «раз, два, три».
Я истину ищу, я жду ответа,
Но громче всех поёт тот, кто внутри.

И с треском через край перешагну,
Оставлю позади оркестра стаю,
Свою печаль, отчаяние, вину
И вспомню: «А ведь люди не летают».

Я разорву сопрано проводов.
Мне ветер заревёт в лицо протяжно.
И вой машин, звон стёкол, голосов,
Встревоженный крик птичий — всё не важно.

И в тихом отголоске мирных снов
Грянет финальный чистый контральт.
Встретит меня в последнем из ладов —
Фермата, форте, пауза — асфальт.

11 ноября — «Один миг — и вспышка ослепит глаза...»

Один миг — и вспышка ослепит глаза,
Один вдох — и больше дышать мне не надо,
Когда жёлтой молнией включь небеса,
Когда рушится что-то от этого взгляда.

Из-за Вас я сильнее полюбила грозу,
Мне милей, когда грузно-свинцовые тучи
Тянут небо к земле и роняют слезу,
Давят всех своей бешеной силой могучей.

Из-за Вас я хочу обуздать океан,
Обхватить своей бархатной колкой душою.
И дрожу от восторга, когда ураган
Говорит, что чего-то я всё-таки стою.

Эта вспышка меня поразила насквозь
Электрическим невероятным разрядом.
Невозможное вдруг отчего-то сбылось.
Оттого ли, что вы оказались здесь... рядом?

Вы — солёные брызги о скалы мои,

Дикий ветер, гремящий без всяких оков.
Ну а в центре — пучина, а там — корабли,
Затонувшие в бездне прохладных зрачков...

Но всему в этом мире настанет конец:
После слов — тишина, после шторма — штиль.
И с героем обычно приходит подлец.
Я иду к Вам сквозь сотни и тысячи миль.

Милый мой, я пришла, и затихла гроза.
Звёздным небом бескрайнюю гладь околдуй.
В моей памяти Ваши искрились глаза,
А на пальцах оставшийся тлеет поцелуй.

10 декабря — «Другу»

Густой и горький запах шоколада,
Горячий сладкий чай и тишина,
Спокойствие, осенняя прохлада,
Бокал бордово-красного вина,

Раскуренная вместе сигарета
И ярко полыхающий костёр —
Всё это есть в тебе. Ты тьма, в ней где-то
Землёй чернеет бархатный простор.

Там звёздное беспечно дышит лето,
Белеют и мигают огоньки,
И мчится, шелестя листвой, комета,
И сыплет вниз лекарство от тоски.

Сквозь тёплый запах мха и хвойный — ёлок
Сочится чья-то речь из уст и глаз.
И тихий смех...
И зеркала осколок
Лежит в руке у каждого из нас.

29 декабря — «Алло! Я — дьявол! Вызывали?»

— Алло! Я — дьявол! Вызывали?

— Ошибся номером.

— Как жаль. А мы так долго ждали...

— Ждали?

— ...Не позвонит какая тварь.

— Но я не тварь. Я — человек.

— Вы сами верите?

— Едва ли...

— Раз так — пока! Своим привет.

— Постойте. Вы туда попали.

— Да неужели?

— Это так.

Для человека слишком грешен.

Я очень зол и вижу знак,

Что слишком неуравновешен.

Питаю ненависть к одним,

К другим бываю благосклонен.

Я не люблю и нелюбим,

К иронии, сарказму склонен.

Не верю я — другие верят.

Всё ввысь летят, а я стою.

Мои сомнения развеет

Ничто. И я себя корю

За все ошибки, неудачи,

Бездействие, тоску и лень.

Я так ленив... А как иначе?

Но всё ж виновен. Каждый день.

Я жаден до материальных

Соблазнов. О, проклятый мир!

Он мне любим, хоть безобразный,

И я навек его кумир.

Я также лжец. Раскроет кто

Белейший лживый мой покров,

Осудит он меня за то,

Что увидал парад грехов.

Тоска и гнев, гордыня, слабость —

Всё это влито в мои вены.

И я испытываю жалость

К себе. Сейчас. Но всё же тленный.

Ну что, вы примете меня?

Ведь вы так долго ждали...

— Ждали.

Прощай. Скажу, вас не виня:

Вы — человек. Мы тварь искали.

6 марта 2026 — «Дикая-дикая кошка»

Глазами дикими-дикими,
Бездонными и безликими
Глядит на меня отчаянно
И хочет сказать: «Иди.

Поближе! Раскрой объятия!»
Да, дикая кошка спятила.
В душе у нее печально, но
Она говорит: «Уйди».

Шипит и глодает кости.
Вы дикую кошку бросьте.
Когда-нибудь она в бешенстве
Вам грудь расцарапает в кровь.

Не станет домашним дикое,
Не станет устойчивым зыбкое,
И дикую-дикую кошку
Никак не спасёт любовь.

Ей будет всегда слишком мало.

Она без любви голодала,
Ждала и безмолвно кричала,
Сильней затемняя ночь.

Прошу вас, пока не поздно,
Пока ещё раны сносны —
Бегите от чёрной кошки.
Скорее, бегите прочь.

13 мая — «Ну здравствуй, друг мой нежеланный...»

Ну здравствуй, друг мой нежеланный,
Непредсказуемый Апрель.
Зачем баюкаешь мне раны,
Качая тихо колыбель?

Уж слишком добр и слишком нежен.
Что утаил ты от меня?
Твой лик спокоен, безмятежен.
Какого мне страшиться дня?

Пытливо глядя, улыбаясь,
Ко мне протягиваешь нож.
Надрез — и смотришь, вопрошаясь:
«Так больно? Да?! А так? Ну что ж...»

Апрель-разлучник, что за пытки?
Запишешь наблюдений строки,
Все шалости, мои убытки.
Ах, дети... Да, они жестоки...

«А если так?» — в руках верёвка,

Ей горло стискиваешь мне
И сердце вырываешь ловко,
Считаешь капли на стене —

Такие жгучие и злые.
А на полу — разбит хрусталь.
Страницы мыслей суетные
Рвёшь о заточенную сталь.

Булавки чёрные втыкаешь.
Прошу, позволь мне просто жить!
Но ты не слышишь... Продолжаешь,
Чтоб свою жажду утолить.

4 июня — «Да, ты был прав...»

Да, ты был прав. А я — глупа.
Так сильно верила. Любила...
И без остатка отдала
Тебе всё то, что в сердце было.

Ты прав, что нам не по пути,
У каждого своя дорога.
Нам вместе жизни не пройти,
Хоть было нужно мне немного.

Лишь когда были на кону
Дела, подруги и друзья —
Чтоб выбирал меня одну.
Но даже здесь ошиблась я.

Увы, ко всем твоим делам
Я не имела отношения.
Грусть не делил ты пополам,
И радость тоже, и везение.

У нас была даже тогда
Такая чёткая граница:
Вот — жизнь твоя, а рядом — я...

Не в ней. В той книге — не страница.

Работа, быт, семья, учёба —
Всё, что твоё — меня не тронет.
Лишь я одна верна до гроба,
Всё жертвую, рука не дрогнет.

Меняюсь, пробую, рискую...
Но что же это? Остановка?
Иду упорно, не пасую,
Но... ты лишь только упаковка.

Цветастый фантик без начинки.
Поэтому не раскрывался.
Был так красив. Ну... как с картинки,
А настоящим быть боялся.

Умелый, умный, сильный, стойкий,
Не бросишь всё на полпути...
А оказалось? Нет. Жестокий.
Тебе бы, мальчик, подрасти.

Ведь только дети — эгоисты
И всё бросают без труда.
Тебе все лучшие артисты
Заплодируют. Да-да...

А я тебе теперь не верю,
Что бы ты мне ни говорил.
Из этого всего отмерю
Лишь опыт, что мне подарил.

Спасибо. Боль моя — услада.
То буду помнить я всегда.
А мне тебя теперь не надо.
Простить сумею никогда.

4 июня — «Оскорбляю? Конечно!»

Оскорбляю? Конечно!
Иронизирую? Сверх меры.
Обрезаны крылья веры.
Боль — река, и она бесконечна.

Смеюсь ещё громче, чем прежде!
Реву водопадом, навзрыд.
То пытаюсь наладить свой быт,
То шептать позволяю надежде.

Вверх и вниз на крылатых качелях.
До небес дотянусь вмиг рукой,
А потом устремляюсь в покой... И-и-и... на дно, исколов-
шись о ели.

Возвращаюсь? Отлично!
Повторение — мать учения.
Головокружение — моё увлечение,
Пока снова не стало привычно!

Распластаюсь амёбой сопливой
И безмозгло уткнусь в потолок.
Это был мне хороший урок,

Да и ум поднапрягся пытливый.

Многоточие, точка, дефис —

Резко-звонкие, быстрые знаки.

Кроме первого (здесь уже враки...)

Повторю напоследок на бис:

Точка, возглас, вопрос и дефис!

17 июля — «В толпе, и в шуме, и в делах...»

В толпе, и в шуме, и в делах
Пытаешься топить всю боль,
Ошибки прошлые и страх.
В кругу людей, но все ж изгой.
И сердце намертво в замок,
А на лицо — пустую маску.
Был вынесен тогда урок,
Но нет теперь тепла и ласки.
О, нам другого не понять
И не простить своей вины,
Не повернуть всё время вспять.
И тлеть, ночами видя сны.
В пожаре памяти сгорать
И не пытаться сделать шаг.
Нам проще узы оборвать,
Чтобы не мучаться вот так.
Но как бы боль ты не глушил,
Я все ж одна, а ты — один.
Нам страшно стало потерять,
Мы уничтожили, что было.
Но сердце... сердце не отнять.

Оно от боли не остыло.
А память нам вернёт тепло,
И разорвёт руками раны,
Но мы упрямо, всем назло,
Во тьму души толкнём изъяны.
Не признаём, что нужен человек,
Фальшивую натягивая силу,
Идём к другим, всё заперев навек,
Надежды вырывая злую жилу.

18 июля — «Вы когда-то сидели на кухне одни?»»

Вы когда-то сидели на кухне одни?
Без обиды и грусти, без страха и слёз?
Вы смотрели на дальние во тьме огни,
Вспоминая букеты из искренних роз?

Город спит, ночь молчит. Вместе с ней я молчу,
И беззвучие громко звенит в пустоте.
И всё, кажется, мне стало не по плечу.
Тянет вниз отголосок к прекрасной мечте.

Помнишь, Счастье комочком лежало так близко,
Отдавая тепло всё своё без труда?
Ты кормил по часам, наполнял его миску,
Но ему не нужна была просто вода.

Оно грелось на пледе, зевая со скуки,
Легкомысленно прячась от стоящих дел.
Захотелось поймать — оцарапал все руки.
Счастье вмиг наутёк, а за ним не поспел.

Помнишь наше молчание и жажду в глазах?

Карандаш и бумага, и мыслей поток?
Этот жгучий, особый, пленительный страх
И забавный бумажный и тихий урок?

Помнишь, рвался навстречу к желанной судьбе?
Счастье, не отставая, бежало бок о бок.
Или всё ж это страх и невера себе?
Оттого человек так становится робок?

Не хватило нам слов, чтобы рядышком быть.
Как родными становимся мы не по крови?
Без причины остаться, поверить и жить,
Наплевав на цинизм и людские устои.

2 августа — «Кто ты, мой несчастный странник...»

Кто ты, мой несчастный странник,
Заблудившийся в себе?
Ты паломник аль изгнанник
На пути к своей судьбе?

Сколько каменных дорог
Ты босыми исходил?
Сколько раз ты жить не мог,
Но держался? Ты забыл?

От песка и горькой пыли
Зарывался в капюшон.
И на брошенной могиле
Вспоминал, что думал он...

Безымянный и безликий,
Чёрно-белый и пустой.
Он был нищим иль великим?
Крест давно зарос травой.

И не вспомнить... и не встретить...

Не сказать, не промолчать.
Что ты мог ему ответить?
Что он смог кому-то дать?

Слишком быстро, не раздумав,
Он ушёл, оставив след.
Был ли жизнью он безумной
Или только сеял вред?

Кто ты, мой несчастный странник,
Искалеченный судьбой?
Ты паломник аль изгнанник?
Ты уже зарос травой?

3 августа — «За такое, знаю, не прощают...»

За такое, знаю, не прощают.
Ну и я, так точно, не прощу.
Мстить не буду. Злоба убивает,
Но снимать не буду я вину.

За подобное известный всем Иуда
Вечность дрог на нижнем этаже.
Не брала предателя простуда,
Хоть он и купался в неглиже.

Не сержусь, обиды не держу.
Что же взять с «героя» мне такого?
Я своей дорогой ухожу.
Думала: «Не нужно мне другого»,

Но... ошиблась. Тоже человек.
И пыталась. Верила обложке
И надеялась, что это всё навек,
Хоть внутри в кровь драли черти-кошки.

Бог с тобой. Не приходи ко мне

Ни во снах, ни в мысли и ни в явь.
Даже Боже верен Сатане.
А меня, приятель, ты оставь.

Не крутись и жалом не води.
Сердце гордое, от пламени остынь.
Не беги, не унижайся, не грусти
(Это для себя я).
Всё.
Аминь.